

ПЕРСОНОЦЕНТРИЗМ В ЛИТЕРАТУРЕ КАК ПРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКАЯ СТРАТЕГИЯ

Андреев Анатолий Николаевич

профессор кафедры теории литературы Белорусского государственного университета; доктор филологических наук, профессор
(г. Минск, Беларусь)

Ключевые слова: персонцентризм, личность, литература, литературоведение, нравственно-философский, стратегия.

В статье развиваются принципы анализа художественной литературы с точки зрения идеи персонцентризма как нравственно-философской стратегии.

Эта статья задумана как очередная работа в рамках проекта популяризации целостно-антропологического (персонцентрического) литературоведения – чрезвычайно сложного в своих фундаментальных положениях.

Отдельные аспекты целостной теории эффективнее усваиваются тогда, когда итоговые, обобщающие работы воспринимаются в совокупности. В этой связи сошлемся на желательность параллельного прочтения следующих работ:

1. Аксиомы персонцентрического литературоведения. Пособие для студентов филологического факультета. – Минск, БГУ, 2015. – 223 с. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/134691>

2. Андреев А. Н. Лекции по теории литературы. Целостный анализ литературного произведения. Учебное пособие. / А.Н. Андреев; Белорусский государственный университет. – Минск, 2012. – 144 с. – Деп. в БГУ 09.08.2012, № 000309082012 – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/14157>

Во всяком случае, это было бы идеально для понимания данной статьи; кроме того, такое контекстуальное постижение избавляет нас от необходимости повторять очень важные вещи – вследствие того, что они изложены в указанных работах.

Идея, ставшая методологической основой персонцентрического литературоведения, сама по себе проста.

Целостность как информационная характеристика произведения (в противовес системной) сегодня не ставится под сомнение. При этом целостность трактуется в том числе и как совмещение несовместимого, *литературного* и *экстралитературного*. Из собственно литературных характеристик в литературе присутствует только стиль, более ничего. Экстралитературный (металитературный) уровень представлен идеями; согласно нашей версии, в первую очередь теми из них, которые фокусируются вокруг *идеи личности* (ибо это высший информационный уровень развития человека).

Вот почему критерием качества содержания предлагается сделать уровень персонцентризма. С этой целью вводится понятие *персонцентрическая валентность*.

В данном случае нас будет интересовать следующий вопрос: а почему, собственно, *личность* (*персона*) стала не просто ключевым понятием, но концептуальным положением теории, давшим «генеральную маркировку» литературоведческой методологии (*персонцентрическое* литературоведение)?

Мы неоднократно писали о том, что современное представление о структуре художественности непременно включает в себя, так сказать, идею об «идейном содержании» произведения. Этот весьма традиционный постулат значительно обогатился введением понятий *персонцентризм*, *персонцентрическая валентность*. Дело в том, что содержательность литературно-художественного произведения (нравственно-философская, конечно, содержательность, ибо другой просто не бывает) так или иначе фокусируются вокруг таких понятий, как свобода, счастье, достоинство, добро, зло, истина, красота (близкородственный ряд можно продолжать). Собственно, нравственно-философская проблематика и составляет суть духовности.

Оказалось, что названные понятия, существующие в связке и в одном информационном поле, на одном философском уровне, относятся не просто к человеку, но к человеку разумному – к высшему информационному проявлению человека, к личности. Самим фактом обращения к этим понятиям (категориям) писатель актуализирует понятие личность. Писать об истине, добре, зле и не затрагивать при этом личность – невозможно.

Именно персонцентризм (культ личности, в определенном смысле) связывает жизнь и литературу. *Жизнетворчество* – это персонцентризм в его ином, нехудожественном проявлении. Поэтому персонцентризм в широком толковании – это понятие мировоззренческое, философское, включающее в себя *философию искусства*, если угодно.

Итак, личность по определению оказывается информационным (содержательным) ядром произведения, в связи с чем необходимо дать определение понятия личность.

Личность – многоаспектный феномен, характеризующий человека как существо культурное.

С точки зрения *информационной*, личность понимается как тип управления информацией, где приоритет в выстраивании информационной картины мира отдается *сознанию* (соответственно, происходит перераспределение полномочий: *психика* начинает обслуживать не *приспособительные*, а *познавательные* отношения).

С точки зрения *культурно-содержательной*, личность является субъектом и объектом воплощения нравственно-философской триады Истина – Добро – Красота (собственно, субъектом и объектом гуманизации).

С точки зрения *художественно-эстетической*, личность является субъектом и объектом эстетических отношений, ядром информационной структуры произведения (художественности), решающим фактором субъектной организации произведения и стиля.

С точки зрения *гносеологической*, личность является представлением об истине в «человеческом измерении»: человек не знает, что есть Истина, однако с появлением категории личность он увереннее ориентируется на карте познания – отдает себе отчет, в *каком направлении и что* следует искать.

С точки зрения *морально-социальной*, личность ошибочно воспринимается как утопическую проекцию богочеловека или идеального, *положительно прекрасного* человека, отказывая тем самым личности в праве на реальное существование. На самом деле личность как информационное продолжение человека ориентируется на философию нравственности, а не на догмы морали. В связи с этим аморальность личности выступает как следствие ее нравственного совершенства. Гармония личности и человека достигается через ценностный конфликт, что не имеет ничего общего с идеалом как совершенством человека морального.

Итак, под личностью в целостно-антропологическом литературоведении понимается совокупность отношений биопсихосоциодуховных – сложный духовно-психофизиологический симбиоз, комплекс (информационная целостность), в котором определяющей способностью является способность к духовному, *разумно-рациональному* управлению всем информационным комплексом. Целостность личности обеспечивается единством ее сознания и психики. При этом целостна сущность личности, ее отражение и восприятие.

Именно в таком ключе понимаемая личность и является *предметом исследования в художественной литературе* (сама художественная литература, в свою очередь, является предметом исследования в литературоведении). *Объектом изучения в художественной литературе* (в контексте возможностей персонцентрического литературоведения) становится *тип управления информацией*, то есть *приспособительно-познавательные отношения*.

Подобное сочетание объекта и предмета исследования, на наш взгляд, меняет статус гуманитарных наук. Эти науки из деятельности по построению агностических моделей (так называемого «технического агностицизма») превращаются в деятельность по построению моделей «универсальной гносеологической методологии», где личность, разум и литература оказываются включенными (на правах момента универсума – на правах момента целостности) в «теорию всего».

Таким образом, именно «культ личности» определяет персонцентрический характер литературы и литературоведения.

Главное в личности – ее способность к мышлению, которая становится инструментом прогресса. Прогресс в гуманитарном и в любом ином смысле – это прогресс мышления.

Очевидно, что понятие «одаренность писателя» включает в себя предрасположенность к «заболеванию» экзистенциальной (читай – личностной) проблематикой, которая становится содержательной основой его образов. Писатель не просто переживает (или сопереживает, или чутко откликается – словом, дело не в нервном градусе или тонкой душевной организации); он переживает присутствие в мире смыслов, превращающих человека в существо культурно-духовное – в личность.

Писатель способен разглядеть в человеке личность: именно в этом, и ни в чем ином, состоит его культурное призвание. Быть писателем и не быть при этом личностью – настоящий нонсенс, хотя подобные казусы случаются сплошь и рядом; тем не менее это нарушение культурной закономерности.

В этой связи подчеркнем, что литературно-художественный текст представляет собой едва ли не оптимальную информационную модель, в которой живет и функционирует личность.

Чем ниже «экзистенциальный градус» смыслов – тем менее деятельность литературная является деятельностью культурной. Литература массовая, читиво, где личности нет места по определению (массовая – значит, не имеющая отношения к экзистенциальному, к космосу личности), – это вариант выхолащивания самой сути литературы.

Вот почему литература и, соответственно, литературоведение являются персоноцентрическими по определению. Литература зарождается и существует только по поводу выяснения простого вопроса: что есть истина? Вне этого «информационного повода» литература превращается либо в служанку идеологии (политики, религии, дидактики), либо в циничную содержанку красоты.

Понятия свобода, счастье и прочие категории из «экзистенциального ряда» становятся не просто модусами содержания – тем, с помощью чего содержание «квантуется», – но и одновременно *сверхзадачей и стратегией творчества.*

В качестве персоноцентрической деятельности литература представляет собой деятельность духовную и культурную – что, между прочим, означает: в случае ориентации на ценности противоположные, на ценности природы, литература становится деятельностью бездуховной и антикультурной. В этом контексте современное требование к литературе только одно – быть литературой. Казалось бы, проще некуда.

Однако само существование литературы становится если не способом предъявления претензий обществу (не случайно классический реализм, одно

из высших проявлений литературы, зарождался как критический, критикующий с позиций культуры), то вызовом. Актуализация понятий, воплощающих культурные ценности (все те же свобода, счастье и т.д.), качественно меняет художественную среду, делая ее духовной. Существование литературы – это существование некой нравственно-философской планки, шкалы ценностей, соотносящей происходящее здесь и сейчас с вечным. Способ духовного производства человека.

В таком случае сегодня уже демонстративное отсутствие литературы (варварски пустует свято место) становится вызовом. Отношение к литературе становится знаком культурности общества. Все разговоры о «своеобразной духовности» массовой литературы – лишь жалкие попытки сбросить с человека экзистенциальный груз, попытки расчеловечивания человека, если называть вещи своими именами.

Или личность – или ничто.

Именно в персоноцентризме кроется социальный потенциал литературы и науки о литературе. Поскольку персоноцентризм, помимо всего прочего, является инструментом культурной диагностики, мы можем констатировать следующее. Сегодня сосуществуют несколько типов литературы:

- литература персоноцентрическая с ее культурной миссией: сегодня это не столько реальность, сколько проявление воли к культуре, которая все более и более становится волей к жизни; такая литература представлена, главным образом, в виде актуальной классики – ныне востребованная литература написана давным-давно;

- литература социоцентрическая, ориентированная на потребности даже не «среднего» уже, а «маленького» человека, то есть, человека, не способного стать личностью, да и не ставящего таких амбициозных культурных целей; наиболее ярким выражением тенденции деградации стала «социальная литература», попросту говоря, чтиво, «литература для маленьких людей», не разбирающихся в литературе;

- литература индивидоцентрическая (иначе – гейм-литература) с ее не очевидным, но разрушительным в своей беспринципности принципом: «красота, делая вид, что спасает мир, безжалостно убивает культуру»; Красота без соотнесения с Истиной является такой же культурной абстракцией, как и Истина вне соотнесения с Личностью; безответственная (потому как бессмысленная) апелляция к прекрасному антиперсоноцентрична – и, следовательно, также деструктивна по отношению к культуре, ставшей сегодня способом существования уже не духовной жизни (куда там, не до жиру!), а просто – жизни.

Отсюда вывод: актуальность персоноцентрического литературоведения в том, что оно критерии художественности превращает в критерии гума-

низма. Персоноцентрическое литературоведение расстается с маскарадной респектабельностью и «неангажированностью» академизма, непременный атрибут которого – глубокомысленное надувание щек во имя триумфа чистой науки, и берет на себя функции инструмента духовно-элитарного (высокого) воздействия на приземленную жизнь человека.